Тонкий слой

что скрыто под краской

Дарья Вельская

Дарья Вельская

Тонкий слой

«Автор»
2026

Вельская Д.

Тонкий слой / Д. Вельская — «Автор», 2026

Реставратор Вера Лисицына приезжает в Белоярск на полгода: спасать купол старого театра, который в пятидесятые закрасили голубой эмалью. Подрядчик Тимур Назаров уверен, что хватит шести недель. До юбилея города два с половиной месяца, а у него кресла, проводка и бригада, которой надо платить. Вера знает: под эмалью лежит слой живописи толщиной в волос, и снимать его придётся скальпелем, сантиметр за сантиметром.Но первое же открытое окошко рассказывает совсем не ту историю, которую сорок лет повторяла заведующая театром. Под краской обнаруживаются чужая подпись, ласточки, река и женщина без лица. Кто на самом деле расписал купол? И почему у центральной фигуры нет лица?Пока Вера ищет ответы, ей приходится жить в одном доме с Тимуром, его мамой, которая кормит всех насильно, и сыром, который нельзя трогать. Тонкий слой бывает не только на потолках.

© Вельская Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Потолок 5
Глава 2. Правила дома 8
Глава 3. Три буквы 10
Глава 4. Двенадцать окон 13
Глава 5. Сыр на верхней полке 16
Глава 6. Первая суббота 19
Глава 7. Сундук Маргариты Львовны 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Тонкий слой

Глава 1. Потолок

Автобус из Нижнего шёл три часа сорок минут, и последние сорок Вера смотрела на один и тот же пейзаж: поле, столб, поле, столб, иногда корова с лицом человека, которому тоже не объяснили, зачем всё это. На коленях стоял кофр со скальпелями, кистями и растворителями. В багажнике ехали два чемодана и коробка лампочек. Опыт научил Веру простому: в чужих городах хороший свет — единственное, что нельзя купить на месте.

Белоярск встретил её дождём. Не злым, а настойчивым, как бухгалтер перед отчётом.

На остановке, под козырьком, стоял одинокий таксист и ел пирожок. Увидев чемоданы, он отряхнул ладони о куртку и сказал, не дожидаясь вопроса:

— В театр?

— Откуда вы знаете?

— Так вы реставраторша. Вас с прошлой недели ждут. Тимур Ильдарович уже раз пять звонил: «Не приехала? А когда?» Я говорю: «Тимур, у меня расписание автобусов в голове, а не в телефоне». — Он взял чемодан и крякнул. — Что у вас там, кирпичи?

— Растворители.

— Они-то тяжелее.

Вера села на заднее сиденье и поняла, что в этом городе секретов не бывает. Бывает только время, за которое о них узнают все остальные. Сама Вера давно выучила: с незнакомыми людьми лучше всего работает вежливая сухость, коротко, по делу и на расстоянии вытянутой руки.

Театр стоял в конце улицы, у самой набережной, и смотрел на Волгу так, как смотрят на реку старики: без интереса, но с правом. Жёлтый, обшарпанный, с лепными масками над входом, у которых отвалились носы. Над крыльцом висела вывеска «Городской драматический театр», а ниже, поменьше и совсем выцветшим шрифтом: «бывш. Купеческое собрание».

На крыльце под огромным чёрным зонтом стояла женщина в бархатном пальто цвета перезрелой сливы. Ей было лет семьдесят пять, и держалась она так, словно её сейчас вызовут на поклон.

— Вы Вера Сергеевна, — сказала она. — Лисицына. Я так и думала. Вы моложе, чем в резюме, и злее, чем по телефону.

— Я ещё ничего не сказала.

— Вот именно. Маргарита Львовна. Заведующая… — она сделала паузу, — всем этим.

Из-под её пальто, как из-за кулис, вышел рыжий кот. Весил он килограммов семь, смотрел сквозь Веру и явно ждал, когда ему поднесут документы на проверку.

— А это Реставратор, — сказала Маргарита Львовна. — Он здесь раньше вас работает. Не обижайтесь, если он первым скажет, что вам делать.

Вера присела и протянула коту руку. Кот понюхал пальцы, поморщился, как от дорогого, но недопустимого парфюма, и ушёл в двери.

— Принят, — удовлетворённо сказала Маргарита Львовна. — Пойдёмте. Покажу вам зал.

Внутри пахло сыростью, штукатуркой и старыми афишами. Эти запахи Вера знала наизусть: так пахнут здания, о которых слишком долго помнили только мыши. Она шла по фойе и машинально считала всё, что видела: трещины в лепнине, пятно от протечки над лестницей, мраморные ступени, стёртые посередине до чаши. Больше ста лет люди поднимались сюда в лучшей одежде. Потом пришли другие люди с вёдрами.

— Вот, — сказала Маргарита Львовна и толкнула тяжёлую дверь в зал.

Вера остановилась на пороге.

Зал был большой, с балконом на резных столбах и сотней бордовых кресел, из которых половина лишилась обивки. Но смотреть нужно было не туда. Вверх, на потолок, который огромным куполом уходил на высоту четырёх этажей и был затянут чёрной плёнкой на лесах. Из-под плёнки, там, где её сдвинуло сквозняком, выглядывал клочок неба: тёмно-синего, густого, с чьей-то босой ногой на облаке.

Вера сделала три шага вперёд и забыла про дождь, про автобус и про то, что хотела в туалет.

— «Времена года», — произнесла Маргарита Львовна вполголоса. — Тысяча восемьсот девяносто четвёртый год. Писал приезжий из Москвы, его купец привёз. Говорят, они всю ночь пили, а утром художник выставил купцу счёт, и тот заплатил вдвое. Потому что увидел.

— А это? — Вера показала на синий клочок.

— Это пятидесятые. Тогда в театр пришла комиссия и заявила, что от потолка «веет упадничеством». Покрасили в голубой.

— Целиком?

— Целиком, — вздохнула Маргарита Львовна. — Маляры были не злые, они просто торопились.

— Голубым. По живописи.

— Масляной. Эмалью. По живописи, — подтвердила она, и Вера закрыла глаза на секунду. Такого с ней ещё не случалось: она хотела одновременно заплакать и ударить кого-то шпателем.

— Не расстраивайтесь, — сказали сзади. — Это всего лишь потолок.

Голос был низкий, весёлый и очень громкий. Вера обернулась.

В дверях стоял мужчина лет тридцати пяти, в строительной куртке и с телефоном у уха. Он был мокрым с головы до пят, но выглядел так, будто дождь шёл специально для того, чтобы сделать его ещё более бодрым. Тёмные волосы стояли дыбом, на щеке чернела полоса не то штукатурки, не то сажи.

— Нет, Ринат, я сказал в понедельник, а не «примерно в понедельник», — говорил он в трубку, продолжая улыбаться Вере. — Да. Да. Привезёшь, я лично тебе медаль повешу. Всё, пока. — Он убрал телефон и шагнул вперёд. — Тимур Назаров. Подрядчик. А вы, значит, Вера Сергеевна. Слава богу. Вы мне были нужны три недели назад.

— Я приехала по графику.

— Я не про график, я про вообще. — Он пожал ей руку, и ладонь у него оказалась тёплой и шершавой. — Вы уже видели? Красота, да? Мы тут за три недели управимся, я посчитал.

Вера медленно отняла руку.

— За три недели.

— Ну, может, за четыре. Леса стоят, плёнку я убрал, вы просто счищаете эту голубую гадость, подмазываете там, где надо, и мы красим стены. Юбилей города через два с половиной месяца. Мне ещё кресла перетягивать, проводку менять и пол перестилать.

— Счищаю.

— Ну да.

— Голубую эмаль. С масляной росписи. Которой сто тридцать два года.

— Ну… да? — Он посмотрел на неё чуть осторожнее. — Вы же специалист.

— Я специалист, — согласилась Вера. — Поэтому говорю вам спокойно, как врач: если снять слой эмали быстро, вместе с ней сойдёт то, что под ней. Это не штукатурка, Тимур Ильдарович. Это тонкий слой живописи, толщиной в волос. Его снимают скальпелем. По квадратному сантиметру. С растворителем, который нужно подбирать на каждом участке отдельно.

— И сколько квадратных сантиметров?

Вера подняла глаза. Купол над ней уходил вверх, как небо перед грозой.

— Около четырёхсот тысяч, — сказала она. — Это сорок квадратных метров. И шесть месяцев по контракту.

— По моей смете… — Он кашлянул. — Шесть недель.

— Ваша смета не живопись.

— Зато моя смета платит за свет, — сказал Тимур, и улыбка у него наконец поблёкла. — А без света, Вера Сергеевна, ваша живопись останется голубой.

Маргарита Львовна кашлянула.

— Дорогие мои. Не при потолке.

Оба умолкли. Реставратор, кот, сидел на спинке дальнего кресла и смотрел на обоих с выражением судьи, которому сорок лет подряд приносили одни и те же дела.

— Хорошо, — сказал Тимур и потёр лицо ладонью, размазав полосу по щеке. — Давайте обсудим вечером. Вам где остановиться?

— В гостинице «Волга», я бронировала.

— В «Волге» вторую неделю потолок рухнул.

— Мне никто не сообщил.

— Я как раз сообщаю. — Он посмотрел в потолок, будто ища там подсказку. — Есть ещё хостел, но там живут вахтовики и храпят хором. Есть Маргарита Львовна, но у неё… ну, Маргарита Львовна, у вас там ведь…

— У меня там гримёрка, — отрезала Маргарита Львовна. — И два сундука с костюмами. Там живёт Гамлет. Не сам, а череп, но он очень ревнивый.

— Вот видите, — сказал Тимур, и Вера почувствовала, что сейчас произойдёт что-то неприятное. — У меня дом. Большой, пустой, комната на втором этаже, с отдельным входом. Недорого. Я сам предлагал контракт с жильём, помните? В пункте девять.

— Я думала, это шутка.

— Я тоже думал, что это шутка, пока не вспомнил, что в нашем городе других вариантов нет.

Вера посмотрела на Маргариту Львовну. Та смотрела на потолок с видом человека, который ничего не слышит и всё запомнит. Вера посмотрела на кота. Кот зевнул.

— На неделю, — сказала она. — Потом найду что-нибудь другое.

— Конечно, — сказал Тимур, и она не поверила ему ни на секунду.

Глава 2. Правила дома

Дом стоял на Пристанской улице, деревянный, двухэтажный, с резными наличниками, облупившимися до цвета старой кости. Во дворе росла яблоня, под яблоней стоял стол, а на столе сидела, вылизываясь, серая кошка, которая тут же удалилась с таким видом, будто её оскорбили.

— Это Муза, — сказал Тимур, затаскивая чемоданы на крыльцо. — Не обращайте внимания, она всех так встречает. Дом старый, ему сто лет с хвостиком, всё скрипит, но это не опасно, это… характер. Вот, смотрите.

Он открыл дверь. Из тёмного коридора пахнуло сухими травами, горячим хлебом и ещё чем-то незнакомым, но уютным, как чужая шерстяная кофта.

— Ты не один?! — раздалось из кухни. — Тимур, ты привёл её?

— Мам, это не «её», это Вера Сергеевна, реставратор.

— Я так и поняла. Реставратор — это такая профессия, которая приходит и всё портит?

— Мам.

— Я шучу. — В коридор вышла маленькая женщина лет шестидесяти в фартуке и с половником. Глаза у неё были такие же тёмные и быстрые, как у сына, но спокойнее. — Люба. Для вас тётя Люба. Вы голодная?

Вера открыла рот, чтобы сказать «нет, спасибо», и поняла, что хочет есть больше всего на свете. Отказываться первой было у неё рефлексом: так проще, чем ждать, пока откажут тебе.

— Немного.

— Значит, очень. — Тётя Люба кивнула и забрала у неё пальто. — Мой руки и за стол. Тимур, покажи ей комнату, пусть положит вещи.

Комната оказалась небольшой, с косой крышей и окном на яблоню. Кровать, шкаф, столик у окна, лампа с зелёным абажуром. Вера поставила кофр на стол и остро почувствовала, как устала.

— Правила дома, — сказал Тимур, остановившись в дверях и скрестив руки. — Раз уж мы будем жить в одном месте. Первое: в ванной горячая вода идёт через десять минут, не нервничайте, она придёт. Второе: чайник не оставлять включённым, он у нас старый и склонен к драме. Третье: в холодильнике три полки, ваша средняя. Четвёртое: не трогайте сыр на верхней.

— Почему?

— Потому что это мой сыр. Я за него заплатил, и он мне дорог как память.

— О чём?

— О том, что у меня есть сыр. — Он улыбнулся в первый раз за последний час так, что на щеке мелькнула ямочка. — Пятое: мама будет вас кормить, и отказаться нельзя. Все пытались. Все проиграли.

Вера сдержала улыбку.

— У меня тоже есть правила.

— Давайте.

— Первое: в мою комнату не входить без стука. Второе: я работаю с шести утра, поэтому после десяти вечера тихо. Третье: ваши телефонные разговоры на весь коридор я слушать не обязана.

— Договорились, — сказал Тимур. — Хотя насчёт третьего я ничего не обещаю, у меня работа такая, я не умею шёпотом.

— Заметно.

Он рассмеялся, звонко и открыто, и в ту же секунду в кармане у него грянул рингтон: бравурный марш, в котором участвовало, кажется, не меньше трёх духовых оркестров. Тимур

выхватил телефон, сказал «Простите, это Ринат» с нисколько не виноватым видом и вышел, на ходу крича в трубку: «Какой гипсокартон?!» Вера осталась стоять посреди комнаты. С первого этажа доносился звон посуды, тётя Люба что-то говорила, Тимур отвечал, и всё это сливалось в один тёплый, чужой, живой гул, от которого у неё неожиданно защипало в носу.

Глупости. Она приехала на шесть месяцев, чтобы спасти чужую историю, а не обживаться в чужой, и тем более не прислушиваться к чужому уюту.

Вера села на кровать, достала из кофра блокнот и записала: «Потолок. Эмаль поверх масла. Начать с пробы: угол над сценой, 5 на 5 см. Растворитель № 3? Спросить у реставратора (кота) про сквозняки».

Потом, подумав, зачеркнула последнее.

***

Утром она пришла в театр в половине седьмого, когда над Волгой ещё висел туман, а на крыльце сидел Реставратор и глядел на неё так, будто она опоздала. В зале было холодно и пусто. Вера поднялась на леса по скрипучим ступеням, включила лампу и посмотрела на купол вблизи.

Голубая эмаль лежала на потолке тяжёлым, глянцевым слоем, ровным, как лёд на луже. Она провела по ней пальцем. Ни трещины, ни царапины, ни следа времени. Маляры в пятидесятых действительно торопились, но не халтурили.

Вера смочила ватную палочку в растворителе, глубоко вдохнула и осторожно коснулась угла над сценой.

Первые две минуты ничего не происходило. Потом эмаль под палочкой помутнела, пошла морщинами, и Вера аккуратно сняла её скальпелем, как снимают плёнку с горячего молока. Слишком легко: за шестьдесят девять лет эмаль должна была сцепиться с лаком намертво. Вера отметила это про себя. Под голубым оказалась тонкая прозрачная плёнка, гладкая и без единой пылинки, совсем не похожая на то, что кладут по старому слою. Вера записала в рабочий журнал: «Прослойка?» — и сняла её тоже. Под ней лежала копоть, чёрная и жирная, от свечей и дровяных печей. Под копотью проступил лак, жёлтый от времени. Она сменила палочку, сменила растворитель, затаила дыхание.

И под лаком вспыхнул цвет.

Это был не тот синий, который она видела вчера, а другой: глубокий, прозрачный, с зеленью на дне, как вода у берега в ясный день. Вера приблизила лампу, и в этом цвете вдруг проступило что-то ещё: тонкая золотая линия, нарисованная одним движением, и рядом, почти неразличимо, три буквы, выведенные очень маленькой, уверенной рукой.

Она не успела их прочесть. В зале стояла такая звенящая тишина, что было слышно, как за окном капает дождь. Потом внизу хлопнула дверь, и тишину разорвал знакомый, громкий, радостный голос:

— Вера Сергеевна! Доброе утро! Вы уже здесь? А я вам кофе принёс!

Вера подняла голову. Тимур стоял посреди партера со стаканчиком в каждой руке, мокрые волосы торчали вверх, и лицо у него было такое открытое и довольное, что она на секунду забыла, что собиралась на него злиться.

— Не двигайтесь, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вы сейчас стоите ровно под потолком, который, возможно, самое важное, что случилось в вашем городе за сто лет. И я хочу, чтобы вы это помнили.

— Ого, — сказал Тимур и послушно замер со стаканчиками. — А можно хотя бы кофе поставить?

Глава 3. Три буквы

Кофе Тимур всё-таки поставил. Не на пол, как собирался сначала, и не на леса, куда его пришлось бы поднимать, как воду на корабле, а на подоконник, рядом с вчерашними газетами и кошачьей миской. Потом вернулся к лесам и встал у нижней ступеньки с пустыми руками, как человек, которого попросили не двигаться и который решил исполнить это буквально.

— Теперь можно? — спросил он шёпотом.

— Говорите нормально. Потолок не от голоса обваливается.

— А от чего?

— От вашей бригады.

— Моя бригада ещё ничего не обвалила. Мы даже не начинали.

— Вот именно.

Мимоходом, не глядя, она подбила носком ботинка клин в настиле лесов, как раз над головой Тимура: доска шаталась. Тимур ничего не заметил. Вера тоже сделала вид, что ничего не делала.

Вера сфотографировала участок трижды: общим планом, средним и вплотную, с линейкой. Потом наклонила лампу так, чтобы свет шёл вдоль поверхности. Это старый приём: боковой свет выдаёт каждый мазок и каждый волосок кисти. Золотая линия была проведена одним движением, слева направо, уверенно, ни разу не дрогнув. Рядом стояли три буквы, тонкие, как выдох на холодном стекле: «Е. Н. С.»

Она прочла их дважды и на всякий случай закрыла один глаз.

— Ну что там? — не выдержал Тимур. — Золото? Я нашёл золото?

— Вы ничего не нашли. Вы стояли внизу.

— Я нашёл вас. Это тоже много.

Вера не ответила, но уголок рта предательски дёрнулся, и она тут же склонилась ближе к потолку, чтобы это скрыть.

— Это подпись, — сказала она. — Под синей эмалью, под копотью и под лаком. Кто-то подписал свою работу, а потом её закрасили.

— Подпись художника?

— Скорее всего.

— А как его звали? Маргарита Львовна что-то говорила про Сергеева.

— Не «что-то», — сказали сзади. — Сейчас скажу.

Маргарита Львовна стояла в дверях зала, уже без зонта, но в том же бархатном пальто, и держала в руках термос с таким видом, будто это был жезл. Рядом, у её ноги, сидел Реставратор и смотрел на Тимура с недоверием.

— Николай Сергеев, — произнесла она торжественно. — Москвич, ученик очень хорошей школы. Расписал купеческое собрание в тысяча восемьсот девяносто четвёртом году. Это в любом путеводителе написано. У нас и табличка в фойе есть. Правда, Зиночка Полозова из краеведческого музея каждый год ворчит, что ни в одной купеческой книге такого Сергеева нет, но кто же её слушает.

— Николай Сергеев, — медленно повторила Вера. — Н. С.

— Совершенно верно.

— А здесь «Е. Н. С.».

Маргарита Львовна замолчала. Потом поставила термос на пол, поднялась на нижнюю ступеньку лесов и с достоинством императрицы, которой подают стремя, полезла наверх. Тимур бросился помогать, но получил по руке.

Наверху она долго смотрела на золотую линию, и очки у неё сползли на кончик носа.

— Значит, — сказала она наконец, — табличка в фойе врёт.

— Или буква не та, — предложил Тимур снизу.

— Я не путаю буквы, — сказала Вера.

— Я не вам, — сказал Тимур. — Я потолку.

Маргарита Львовна спустилась, отряхнула ладони и посмотрела на Веру так, как не смотрела ещё ни разу, без театральности и без привычной снисходительности.

— Я сорок лет рассказываю эту историю, — сказала она. — Про московского художника и купца, который пил с ним всю ночь. И никогда не видела, чтобы кто-то лез под краску.

— Потому что под краской было нечего видеть, — сказала Вера. — До сегодняшнего утра.

— А теперь есть.

— А теперь есть вопрос. И чтобы на него ответить, мне нужно открыть больше. Хотя бы в нескольких местах. Не всё сразу, маленькие окна. Десять на десять сантиметров, по всему куполу.

— Сколько? — спросил Тимур.

— Двенадцать.

— Окон?

— Окон.

— И сколько на это уйдёт?

— Пять дней.

Тимур потёр лицо ладонью, второй раз за утро размазав полосу по щеке.

— Вера Сергеевна, давайте честно. Юбилей через два с половиной месяца. Город уже напечатал афиши. Мэр уже сказал в интервью, что театр откроется «в обновлённом блеске». Если я сейчас остановлю ремонт на пять дней, у меня встанет вся бригада, а мне платить им.

— А если вы покрасите поверх подлинника?

— Тогда мне будет очень стыдно, — сказал он, — но платить будет некому.

Она почти засмеялась. Почти.

— Три дня, — сказал Тимур.

— Пять.

— Четыре.

— Мы не на рынке.

— Мы именно на рынке. У моей мамы на рынке три ряда знакомых. Я умею торговаться с рождения. Четыре дня, и я лично каждое утро ношу вам кофе.

— Я не пью кофе до обеда.

— Тогда чай.

— И чай тоже. Пока не откроется последнее окно.

— Тогда вода. Минеральная. С газом или без?

Вера посмотрела на него, на потолок, на Маргариту Львовну, которая с видом судьи на дуэли ждала ответа, и на кота, который перестал смотреть на Тимура и теперь смотрел на неё.

— Без газа, — сказала она. — Четыре дня.

— Договорились, — выдохнул Тимур и протянул ей руку. Рука снова оказалась тёплой и шершавой.

На этот раз она пожала её сразу.

***

К вечеру у неё получилось три окна из двенадцати. Они темнели на куполе, как открытые глаза: в одном синий, в другом золотой, в третьем кусок орнамента, который сто тридцать два года никто не видел. Руки гудели. Спина тоже. Реставратор просидел на лесах весь день и, когда Вера спускалась, лениво спрыгнул ей на плечо, выбрал самое неудобное место и там остался.

— Это он вам доверяет, — сказала Маргарита Львовна, запирая зал. — Всем остальным он сначала царапает ботинки.

— Я пока в чужих ботинках не бывала.

— Значит, повезло.

Дома, на Пристанской, пахло пирогами. Тётя Люба встретила её в дверях, оглядела с ног до головы, нашла то, что искала, и сказала только:

— Мой руки.

Вера помыла руки и села за стол. На столе стояли три тарелки: суп, пирожки с капустой и пирожки с яблоком, расставленные так, что отказаться от какой-либо означало бы объявить войну. Она съела всё. Тётя Люба сидела напротив, подперев щёку, и смотрела так, будто Вера возвращала долг, которого никто не требовал.

— Ты тоненькая, — сказала она. — Раньше девушки были круглее.

— Раньше девушки не таскали растворители.

— Тоже верно. — Тётя Люба вздохнула. — Тимур в театре сидит. Говорит, ему надо посчитать смету. Я говорю: «Ты утром считал». А он: «Мам, я заново». Заново! Тридцать шесть лет мужику, а как маленький: когда боится, идёт считать.

— Чего он боится?

— А ты как думаешь?

Вера промолчала. Она думала о синей эмали, о золотой линии и о трёх буквах, и в голове было слишком много вопросов, чтобы осталось место ещё для одного.

— Спасибо, — сказала она, вставая. — Было очень вкусно.

— Приходи завтра. Не говори «неудобно», я это слово в своём доме запретила.

Наверху, в комнате, Вера упала на кровать, не раздеваясь, и пролежала так минут пять, глядя на косой потолок. Потом встала, чтобы выпить воды, и на кухне, у холодильника, остановилась.

На дверце, под магнитом в виде жёлтой рыбки, висела записка. Почерк был размашистый, торопливый, с острыми буквами: «Сыр на верхней полке не трогать. Т.»

Вера постояла, подумала. Потом нашла на подоконнике карандаш, подошла к записке и дописала внизу своим ровным, мелким почерком, каким подписывают экспертизы: «Приняла к сведению. В.Л.»

Она отошла на шаг и посмотрела на получившееся.

Три слова, две буквы подписи, одна жёлтая рыбка.

Так начинаются все большие истории, подумала она. С маленьких, глупых записок на холодильнике.

И тут же рассердилась на себя и пошла спать.

Глава 4. Двенадцать окон

Утром у двери зала стояла бутылка воды. Без газа, как договаривались. К горлышку была приклеена жёлтая бумажка, на которой тем же торопливым почерком значилось: «День первый. Т.»

Вера повертела бутылку в руках, отвинтила крышку и обнаружила, что вода холодная. Значит, её доставали из холодильника, а не купили вчера и забыли. Это было почти подозрительно. Вера не любила, когда о ней заботились: забота, по её опыту, всегда приходила со счётом.

— Он с шести утра ходит и всем рассказывает, что у вас от газировки аллергия, — сообщила Маргарита Львовна, появляясь из-за кулис с чашкой чая. — Три человека уже предложили вам лимонад. Вы не пугайтесь, у нас так любят новеньких.

— У меня нет аллергии.

— Знаю. Но спорить с ним поздно, он уже рассказал электрику.

В дверях показалась голова. Сначала торчала шапка рыжих кудрей, потом очки в круглой оправе, а потом, с заметным опозданием, всё остальное: тощий парень лет двадцати двух, с рюкзаком больше его самого и с велосипедным шлемом, который он забыл снять.

— Вера Сергеевна? Я Стас. Меня Маргарита Львовна к вам… то есть вас ко мне… то есть я ваш ассистент.

— Я не просила ассистента.

— Я знаю, — быстро сказал Стас. — Но я закончил в Нижнем реставрационное отделение, с красным дипломом, и три месяца ходил по всем музеям области, а в итоге вот. Я умею готовить растворы, держать лампу и молчать. Особенно молчать.

— Он действительно молчит, — подтвердила Маргарита Львовна. — Пока ему не задашь вопрос.

Вера посмотрела на купол, на двенадцать мест, которые ещё предстояло открыть, на лампы, на банки с растворителем. Потом на Стаса. Он стоял вытянувшись, как новобранец, и шлем у него съехал набок.

— Снимите шлем, — сказала она.

— Ой.

— И возьмите лампу. Вторую слева.

Стас просиял так, что вокруг стало светлее, чем от лампы.

***

К обеду второго дня открылось семь окон, к вечеру девять.

Поверх всего этого лежал почти одинаковый слой: голубая эмаль, под ней копоть, под копотью старый лак. Только у ласточек и по кромке неба между эмалью и копотью снова попадалась та самая прозрачная прослойка; в остальных окнах эмаль лежала прямо на копоти и держалась как положено. Вера заносила это в журнал и не понимала, зачем кому-то понадобилось подстилать соломку. Под лаком каждый раз проступало что-то новое. В первом окне оказалась зелень, густая, сочная, с жёлтым отсветом, как у летней листвы к концу дня. Во втором тянулась тонкая серая линия, и Вера, склонившись, поняла, что это край крыши. В третьем, прямо над сценой, показались птицы: три ласточки, нарисованные так быстро и так живо, что казалось, будто они всё ещё летят.

— Это не «Времена года», — сказала Вера вечером, стоя на лесах рядом со Стасом. — То есть, может, и они тоже, но не только. Смотри: здесь река, здесь причал, здесь, кажется, колокольня. А вот это люди.

— Где?

— В седьмом окне, внизу. Маленькие фигурки, на берегу.

Стас присел и вгляделся, и очки у него поехали вниз.

— Это что, город? Белоярск?

— Похоже.

— Весь потолок — город?

— Не знаю. Пока открыты девять квадратов по десять сантиметров на купол в сорок квадратных метров. Это как прочесть девять слов и пытаться понять роман.

— Но, — сказал Стас, — это же красиво.

Она не ответила. Смотрела на ласточек и думала о том, что человек, который когда-то написал их, сделал это не для комиссии, не для кого-то на потолке, а для кого-то внизу, кто сидит в кресле и поднимает голову. Эта мысль пришла так просто и так неожиданно, что на мгновение ей пришлось быстро заморгать.

Вера взялась за скальпель.

***

Третий день начался с воды и записки: «День третий. Если ласточки живы — кланяюсь им. Т.»

Она подняла бумажку, перечитала и положила в карман кофра. Просто так. На всякий случай.

К полудню открылось последнее, двенадцатое окно, и в зале собрались все, кто мог: Маргарита Львовна в кресле на краю сцены, Стас с лампой, пять человек из бригады Тимура, которые «зашли на минутку» и стояли уже второй час, и сам Тимур, молча сидящий на нижней ступеньке лесов с локтями на коленях. Он редко молчал. Вера уже поняла: когда он молчит, значит, видит то, чего боится.

— Это правда город? — спросил он наконец.

— Похоже на то.

— Наш?

— Если колокольня настоящая, то да.

— Она настоящая, — сказала Маргарита Львовна. — Её снесли в тридцать шестом. Я видела только фотографию в архиве. Но эта крыша, вот этот скат, это она.

Тимур поднялся. Подошёл к лесам и положил ладонь на стойку.

— Значит, на юбилее города у нас в театре висит… — он запнулся, подбирая слово, — висит сам город. Как он был. Под нашей краской.

— Под вашей краской, — подтвердила Вера. — Если очистить целиком, да.

— Сколько?

— Не четыре дня.

— Я знаю. Сколько?

Она на секунду закрыла глаза, пересчитала всё, что видела, и ответила без прикрас:

— Три месяца. Если работать вдвоём со Стасом и очень везти. Четыре, если нет.

Никто не пошевелился. Реставратор спрыгнул с кресла Маргариты Львовны и деловито пошёл вдоль сцены, как старый актёр после сотой премьеры.

— У меня два с половиной, — сказал Тимур.

— У меня тоже.

— Значит, мы не успеем.

— Значит, нужно решать, что мы успеем, — сказала Вера. — Открыть центр. Показать главное. Остальное оставить под лаком до следующей весны.

— Это можно?

— Это нужно. Так делают.

Он смотрел на неё долго, потом улыбнулся, и это была не прежняя быстрая, громкая улыбка, а другая, усталая и мягкая.

— Ладно, — сказал он. — Тогда делаем так. Я сдвину все работы по залу на два месяца вперёд. Пол, кресла, проводку сначала по фойе и сцене. Вы получаете купол целиком, хоть на круглосуточное дежурство ложитесь.

— А сроки?

— Сроки пусть болят у меня.

— Тимур Ильдарович…

— Просто Тимур, Вера Сергеевна.

— Просто Вера, — сказала она и сама удивилась, как легко это вышло.

Маргарита Львовна достала из кармана платок, промокнула уголок глаза и сказала в пространство:

— Какая пьеса пропадает.

***

Четвёртый день начался без бутылки. Вера дошла до зала, посмотрела на пустое место у двери и поймала себя на том, что ей этого не хватает.

Не то чтобы очень. Просто заметно.

Она повесила пальто, повернулась к лесам и увидела в зале женщину.

Женщина стояла в проходе между рядами, прямая, в светлом пальто цвета овсянки и с папкой под мышкой. Лет тридцать пять, тёмные волосы, собранные так тщательно, что каждая прядь казалась продуманной. На лице улыбка, которую Вера определила сразу: хорошо отрепетированная и полностью дружелюбная, за которой ничего нельзя разглядеть.

— Вы, наверное, реставратор, — сказала женщина. — Алина Мирзоева, администрация города. Руковожу программой юбилея.

— Вера Лисицына.

— Я знаю. Мне о вас много рассказывали. Вернее, Тимур рассказывал. Он очень… — она сделала едва заметную паузу, — …воодушевлён.

В дверях появился Тимур, и Вера увидела, как изменилось его лицо. Он не побледнел и не покраснел. Он просто стал на секунду тихим, как человек, который вдруг вспомнил, что забыл выключить плиту.

— Алина, — сказал он. — Ты же в Москве.

— Была. — Она подошла и легко, привычно, поцеловала его в щёку. — Вернулась. Теперь я здесь. Привет, Тимурчик.

Вера отвернулась к лесам и очень внимательно проверила, закреплена ли лампа.

— Вера Сергеевна, — сказала Алина за её спиной тем же любезным, ровным тоном. — Нам с вами нужно поговорить о сроках. И, если можно, прямо сейчас.

Глава 5. Сыр на верхней полке

Алина говорила негромко и очень по делу. Вера давно заметила, что люди, которые не повышают голос, обычно привыкли, что их слушают, и Алина оказалась из таких.

Они сидели в пустом фойе, на двух единственных уцелевших стульях под афишей «Ревизора» тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Реставратор лежал у ног Алины, как у старой знакомой, и Вера с досадой отметила, что кот ей ещё ни разу не позволил себя гладить.

— Четырнадцатое сентября, — сказала Алина. — День города. Открытие театра в семь вечера, губернатор, телевидение, сто двадцать приглашённых. Мне нужна одна вещь, Вера Сергеевна: чтобы, когда люди войдут в зал и поднимут голову, они ахнули.

— Я не могу гарантировать «ахнули».

— А что вы можете гарантировать?

— Центр. Круг диаметром около пяти метров. Город, река, ласточки. Остальное закрою временной тонировкой и оставлю на следующий год.

Алина кивнула, не записывая. Вера оценила это: человек, который запоминает всё сразу, обычно умеет считать.

— Хорошо, — сказала Алина. — Центр. Это уже лучше, чем мне обещали в июне. И ещё одно, чисто организационное. По субботам мы хотим пускать в театр горожан. По тридцать человек, группами. Они посмотрят, как идёт работа. Журналисты такое любят: процесс, живая реставрация, всё такое.

Вера положила скальпель, который, оказывается, всё это время держала в руке.

— Простите?

— Это уже согласовано с Тимуром.

— С Тимуром.

— Он сказал, что вы не будете возражать. — Алина улыбнулась. — Он, как всегда, очень уверен в людях.

После этого «как всегда» Вере захотелось встать, пойти к лесам и очень аккуратно удалить что-нибудь скальпелем. Желательно слой эмали толщиной в десять человеческих волос.

***

Тимура она нашла в подсобке, где он, нависнув над чертежом, спорил по телефону с поставщиком паркета.

— Нет, не дубовый. Ясеневый. Я сказал ясеневый! Хорошо, давай я тебе нарисую… — Он увидел её, замолчал и прикрыл трубку ладонью. — Вер, секунду.

— Сколько человек по субботам?

У него на лице мелькнуло что-то быстрое и неопределённое. Он отнял трубку от уха и сказал в неё: «Перезвоню».

— Ты с Алиной говорила.

— Я с Алиной сидела на стуле. Говорила в основном она.

— Вера, я хотел тебе сказать сегодня вечером. Это же хорошо! Деньги на леса, на свет, на дополнительную охрану, на охлаждение зала. Администрация всё берёт на себя, если мы разрешим… — Он махнул рукой. — Это просто экскурсии.

— Над открытым слоем. Тридцать человек, которые топают по паркету, дышат, кашляют, держат телефоны.

— Они будут внизу. Не на лесах.

— Тимур. — Она произнесла его имя тихо и отчётливо, как называют по имени ребёнка, который собрался перебегать дорогу. — Колебания пола. Влажность. Пыль. У меня двенадцать открытых окон, на которых лежит живой слой тысяча восемьсот девяносто четвёртого года. Ты согласовал без меня.

— Я хотел сделать тебе лучше.

— Ты хотел, чтобы всем было хорошо. Это не одно и то же.

В дверях подсобки возник Стас. Он держал лампу и очень надеялся, что его примут за предмет мебели.

— Я… э-э… лампу принёс. Если надо.

— Поставь на пол, — сказала Вера, не оборачиваясь.

— Хорошо.

— И выйди.

— Хорошо.

Стас поставил лампу, шагнул назад и, к чести его, не хлопнул дверью.

Тимур потёр лицо ладонью. На щеке снова остался след, только теперь не побелки, а чернил от чертежа.

— Слушай. Я не хотел за твоей спиной. Просто, когда Алина пришла, у меня всё как-то… — Он замолчал.

— Как-то что?

— Закрутилось, — сказал он наконец и посмотрел в сторону. — Мы с ней давно работали по таким вещам. Я привык, что она предлагает, я соглашаюсь, мы делаем.

Вера хотела сказать что-то колкое про «привык» и про «мы». Вместо этого сказала:

— Тогда привыкай заново.

И вышла.

***

Вернулась она в дом поздно, когда Пристанская уже спала, а в окнах только у соседа напротив мерцал телевизор. Есть хотелось так, что ныл желудок. Вера на цыпочках прошла в кухню, открыла холодильник и замерла.

На верхней полке лежал сыр. Большой, жёлтый, в вощёной бумаге, с маленькой наклейкой «Т. Не трогать». Ниже, на её средней, стояла тарелка с пирожками, накрытая салфеткой, и записка уже от тёти Любы: «Ешь. Л.»

Вера взяла пирожок, закрыла дверцу и обернулась.

Тимур стоял в проёме, в старой футболке и тренировочных штанах, с мокрыми волосами. По полу за ним тянулись следы от душа.

— Я думал, ты ночуешь в театре, — сказал он.

— Я думала, ты ночуешь у поставщика паркета.

— Я его бросил.

— Какое великодушие.

Он вошёл, не ответил, достал стакан, налил воды и сел за стол. Вера осталась стоять у холодильника с пирожком в руке. Было нелепо и немного смешно, но смеяться ни тому, ни другому не хотелось.

— Ты всё обещаешь быстрее, чем думаешь, — сказала она.

Он поднял глаза.

— А ты всё оцениваешь медленнее, чем живёшь.

Это попало. Она почувствовала, как слова вошли куда-то под рёбра и остались там.

— Это что значит?

— Это значит, что ты работаешь так, будто у тебя впереди триста лет, — сказал Тимур устало. — Потолок, окно, слой, ещё слой. Я понимаю. Это красиво. Но жизнь у людей одна, Вера, и у меня тоже. У меня тоже есть бригада, у которой дети, и ипотеки, и мамы. И если мы не откроемся четырнадцатого, то их не отпустит никто.

— Я никого не прошу ждать триста лет.

— Ты просишь ждать три месяца.

— Потому что я не умею быстро.

— Я знаю, — сказал он. — Я не умею медленно.

Оба замолчали.

В кухне тикали часы над плитой, старые, с кукушкой, которая давно не вылетала. Где-то на втором этаже скрипнула половица. Муза на подоконнике открыла один глаз, оценила обстановку и закрыла снова.

Вера села на табурет напротив. Откусила от пирожка. Он был с капустой, ещё горячий, и от этого стало тяжело, как от непрошеной доброты.

— Субботы, — сказала она. — Только по двадцать человек. Только в бахилах. Только в зоне партера, дальше ограждение. И я решаю, когда останавливать, без обсуждений. Если мне что-то не нравится, всё останавливается.

Тимур посмотрел на неё долго.

— Идёт.

— И Алина в мои переговоры не вмешивается.

— Идёт.

— И ты больше ничего не согласовываешь без меня.

— Идёт. Пусть это будет пункт седьмой. Чтобы казалось, что у нас уже есть шесть. — Он вдруг улыбнулся, без привычного блеска, просто чуть сдвинув уголок рта. — Хотя «ничего» — это сильно. Я тебе про паркет тоже скажу, а ты потом три часа будешь объяснять, что дубовый лучше.

— Дубовый действительно лучше.

— Ясеневый. Я уже заказал.

— Ужасно.

— Зато честно.

Она фыркнула и спохватилась, откусив ещё кусок пирожка. Тимур встал, открыл холодильник, достал с верхней полки сыр, повертел его в руках, как драгоценность, и отрезал тонкий ломтик. Положил перед ней на блюдце.

— Это что?

— Нарушение правила номер четыре.

— Ты же говорил, что он тебе дорог, как память.

— Сейчас дороже память, — сказал Тимур, — о том, что мы только что не поругались окончательно.

Он ушёл наверх. Вера осталась на кухне, одна, с пирожком, сыром и кошкой. Она долго смотрела на ломтик сыра. Потом съела его, и сыр оказался удивительно хорошим.

Утром у двери зала стояла бутылка воды. На горлышке висела жёлтая бумажка: «День пятый. Без газа. Без обид, если можно. Т.»

Вера прочла записку, положила в карман кофра рядом с прежними и пошла работать.

Глава 6. Первая суббота

В субботу в одиннадцать утра в Белоярском театре собрались двадцать человек в бахилах. Это зрелище Вера потом вспоминала как лучшее доказательство того, что человечество всё-таки способно к дисциплине.

Бахилы выдавала Маргарита Львовна. Она стояла у входа в зал в бархатном пальто, с блокнотом в руках, и каждому вручала пару с таким видом, будто вручала орден. Школьники получили бахилы с благоговением. Пенсионеры с подозрением. Журналистка из «Белоярских вестей», девушка по имени Зоя, с диктофоном на шнурке, надела их молча и тут же, не сходя с места, сделала четыре фотографии собственных ног.

Вера работала на лесах и делала вид, что не замечает никого. Стас стоял у ограждения с рулеткой в руках и страшно серьёзным лицом; ему поручили следить, чтобы никто не заходил за верёвку, и он выполнял это так истово, что одного дедушку чуть не арестовал за слишком любопытный шаг.

Маргарита Львовна заняла центр прохода и подняла руку.

— Дорогие мои! В тысяча восемьсот девяносто четвёртом году в нашем городе жил один купец, и звали его…

Вера слышала знакомую легенду уже в третий раз и в третий раз ловила себя на том, что слушает. В изложении Маргариты Львовны это была не история, а спектакль. К моменту, когда купец отдавал художнику двойную плату, в зале уже вздыхали, а Зоя из «Вестей» перестала щёлкать и просто стояла с открытым ртом.

— Но, — произнесла Маргарита Львовна, понижая голос, — на днях выяснилось, что художника, возможно, звали вовсе не так. Что под краской нашли подпись. И что, быть может, всё, что мы знали, было… не совсем так.

Зал ахнул. Вера мысленно застонала: она просила не говорить про подпись.

— А ему не больно? — спросил кто-то снизу.

Вера опустила взгляд. У лесов стоял мальчик лет девяти, в куртке с динозаврами и бахилах на два размера больше нужного. Он смотрел на неё снизу вверх серьёзно, как смотрят на врача.

— Кому?

— Потолку. Вы же его скоблите.

Стас у ограждения слегка побледнел. Маргарита Львовна открыла рот. Вера подняла руку, останавливая обоих, спустилась на две ступеньки и присела на корточки, чтобы быть вровень.

— Хороший вопрос, — сказала она. — Я его не скоблю, а снимаю то, что на него потом нанесли. Это как… у тебя когда-нибудь на коленке была корка?

— Была.

— Её нельзя сдирать раньше времени. Если сдёрнешь, будет больно. Поэтому я очень медленно и осторожно, чтобы потолку не было больно, а ему стало лучше.

Мальчик подумал.

— А он потом скажет спасибо?

— Не скажет, — ответила Вера. — Но все, кто на него посмотрит, скажут.

— Ладно, — решил мальчик и отошёл, удовлетворённый.

Вера выпрямилась и встретилась взглядом с Тимуром. Он стоял у стены, скрестив руки, в чистой рубашке (чистой!), и на лице у него была улыбка, которую она ещё не видела: тихая, без блеска, обращённая прямо на неё. Вера отвернулась так быстро, что чуть не задела лампу.

***

Первый звук она услышала в половине двенадцатого.

Кап.

Глухой, гулкий, где-то над куполом. Вера замерла с кистью в руке, как замирают те, кто знает язык своего дома. Она не сразу поняла, что именно её насторожило, а потом подняла голову, и на лбу у неё выступил холодный пот.

На улице второй час шёл дождь. Не ливень, а ровный, мелкий, серый. Вода, которой хватало, чтобы найти в старой крыше самую слабую щель, пройти по балке и аккуратно, не торопясь, пойти вниз по стене.

Кап.

В шести сантиметрах от седьмого окна, того самого, с фигурками на берегу, по золочёному карнизу ползла тёмная полоска.

Вера не закричала. У неё не было на это времени. Она спустилась по лесам быстрее, чем когда-либо, и произнесла ровным, чётким голосом, которым когда-то в музее объявляли эвакуацию:

— Прошу всех спокойно выйти в фойе. Прямо сейчас. Стас, проводи.

— Что случилось? — спросила Зоя.

— Крыша. Ничего страшного, но здесь нельзя.

Кто-то охнул. Пенсионеры, к удивлению Веры, двинулись организованно, а мальчик с динозаврами, проходя мимо, пробормотал: «Потолку больно» таким печальным голосом, что она едва не сорвалась.

— Тимур!

Он уже был рядом. Она не видела, как он пересёк зал.

— Где? — спросил он.

— Над седьмым окном. Карниз.

— Сколько у нас?

— Полчаса, может, сорок минут, пока не дойдёт до слоя.

Он кивнул и вдруг перестал быть Тимуром, которого она знала. Он перестал быть громким. Голос стал тихим и ровным, без лишних слов.

— Игорёк, плёнку, большой рулон, и три стремянки. Рома, на крышу, бери мастику и лист железа. Мам, чайник. — Это уже в сторону дверей, куда как раз вошла тётя Люба с пакетом пирогов, пришедшая «на экскурсию». — Вера, тебе что нужно?

— Мне нужно, чтобы вода не дошла до окна. Плёнкой накрыть карниз и купол в этом секторе. Лампы убрать. Влагу вытянуть бумагой.

— Хорошо. Сделаем.

Потом они работали.

Это было странно: впервые за неделю она работала не одна. Тимур поднимался по лесам с рулоном плёнки, держал край, пока она закрепляла, потом снова спускался за скотчем, потом наверх, и всё это молча, без шуток, быстро и точно, как будто всю жизнь только и делал, что накрывал уникальные росписи. Бригада работала с ним слаженно, с полуслова, и Вера поняла, что его уважают не из-за громкого голоса. Просто когда становится по-настоящему важно, он перестаёт шуметь.

В час дня капли прекратились.

В два наверху загремело: бригада заделала щель. В половине третьего Вера сняла плёнку с карниза, затаив дыхание, и обнаружила, что вода дошла до окна, но не вошла в него. Тонкая тёмная кромка легла на самый край, не коснувшись живого слоя.

Она села прямо на леса. Ноги не держали.

— Живо? — спросил Тимур снизу.

— Живо.

Он поднялся и сел рядом. Мокрый до нитки, в рубашке, которая уже перестала быть чистой, с прилипшими ко лбу волосами. Они сидели плечом к плечу на узкой деревянной

доске, под куполом, на котором только что чуть не погибла ласточка, которой сто тридцать два года.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что ты не шумел.

Он фыркнул.

— Я иногда умею.

— Я заметила.

Маргарита Львовна принесла им чай в тонких стаканах с подстаканниками, такие в театре, видимо, жили ещё с шестидесятых, и поставила на нижнюю ступеньку. Потом, ни слова не говоря, ушла. Вера взяла стакан. Руки у неё дрожали, и Тимур, не говоря ни слова, обхватил её пальцы своими, помогая удержать.

Она не отняла руки. Очень долго. Целую вечность. Секунд пять.

— Я ведь в Москве работал, — сказал он. — Шесть лет. Большая контора, стройки, проекты. Деньги были хорошие. А потом мама позвонила и сказала, что упала. Ничего страшного, говорит, просто бедро. Я приехал на два дня. Так и не уехал.

— Жалеешь?

Он долго молчал. Пил чай.

— Иногда. А потом смотрю на этот потолок и думаю: в Москве у меня таких не было.

Вера хотела ответить и не нашла слов. Поэтому просто повернулась, чтобы посмотреть наверх, на седьмое окно, на край, который почти уцелел.

И увидела.

Вода не пришла, но влага всё-таки подтянулась сквозь старый лак и чуть размягчила его у самой границы окна. Лак отошёл тонким пузырём, как кожа после ожога, и под ним, в крошечной щели, показался кусочек золотой линии. Она знала эту линию. Три буквы подписи шли вправо, а ниже, мелким, почти невидимым почерком, стояло ещё одно слово.

Вера подалась вперёд.

«Любимой», — прочла она.

— Что? — спросил Тимур.

— Ничего, — сказала Вера. — Кажется, я только что нашла начало личного письма.

Глава 7. Сундук Маргариты Львовны

В воскресенье Вера не спала.

Не потому, что болела спина, хотя она болела, и не потому, что крыша могла снова потечь. Просто слово «Любимой» крутилось в голове, как заевшая пластинка. Кто-то выводил его тонкой кистью, на высоте четырёх этажей, поверх золотой линии, которая и так вот-вот должна была скрыться под краской. И написал его так, чтобы никто не прочёл.

Но Вера прочла.

В семь утра она уже стояла у гримёрки, где Маргарита Львовна, судя по всему, провела ночь: на столике стоял остывший чайник, на кресле лежал плед, а сама хранительница театра сидела перед открытым сундуком с таким видом, будто ждала Веру с вечера.

— Вы пришли, — сказала Маргарита Львовна. — Я думала, раньше.

— Я думала, вы спите.

— В моём возрасте не спят, а ожидают. — Она кивнула на сундук. — Садитесь. Я сорок лет молчала. Теперь, кажется, пора.

Сундуков было два, оба обитые железом, с замками, на которых давным-давно нарастала ржавчина. В первом лежали костюмы: пожелтевший фрак, три парика, шляпа с пером, которое, судя по виду, принадлежало когда-то гордой птице. Во втором, под тяжёлой театральной драпировкой, нашлись папки. Много папок. Некоторые перевязаны бечёвкой, другие просто лежали стопками, как забытые мысли.

— Мой муж был краеведом, — сказала Маргарита Львовна, доставая верхнюю. — Не профессиональным, но упорным. Всю жизнь собирал бумаги по купеческому собранию. Когда он умер, я не смогла их выбросить, а читать тоже не смогла. Вот и носила за собой. Зиночка Полозова из краеведческого сто раз просила показать, а я никого не пускала.

— Здесь, — сказала Вера, присаживаясь на корточки, — может быть что угодно.

— Вот именно.

***

К десяти утра в гримёрке было тесно. Стас, которого Вера вызвала по телефону, сидел на полу в окружении папок, чихал каждые полторы минуты и клялся, что аллергии у него нет. Маргарита Львовна изучала письма с лупой и вслух комментировала почерк. Вера листала приходо-расходные книги и пыталась не думать о том, что до открытия остаётся всё меньше времени.

В дверь постучали.

— Я не к вам, — сказал Тимур, просовывая голову. — Я за гвоздями. У вас тут есть гвозди?

— Здесь костюмы, парики и пыль, — сказала Маргарита Львовна. — Гвозди в бутафорской.

— А. — Он зашёл всё равно. В руках у него был бумажный пакет, пахнущий пирожками. — Тогда я это принёс. Мама сказала, что вы не завтракали.

— Мы завтракали, — сказала Вера.

— Мама сказала, что вы так думаете.

Стас уже тянулся к пакету. Тимур отдал ему пирожки, оглядел горы бумаги и нахмурился.

— Это что, архив?

— Это кладбище, — поправила Маргарита Львовна. — Бумажное.

— Давайте я помогу.

— Вы не разберёте, там дореформенная орфография.

— Я шесть лет читал чужие сметы, — сказал Тимур. — Меня ничем не напугаешь. — Он взял ближайшую книгу, раскрыл, поднёс к глазам и торжественно прочёл: — «Мая четыр-

надцатаго числа, на покупку сурику, олифы и сусальнаго золота для надобностей плафона — сорок два рубля тридцать копеек». Хм. Сорок два рубля. Сильно.

— Тимур, — сказала Вера.

— Что?

— У тебя только что получилось прочитать «сусальнаго» без запинки.

— Да я просто… — Он смутился. — У меня бабушка читала старые книги. Привык.

Вера посмотрела на него по-новому. Это случалось всё чаще: каждый раз, когда она думала, что поняла его, он делал что-то неожиданное, и приходилось начинать с начала.

Он сел рядом и стал читать вслух. У него это выходило неплохо. Голос был глубокий, ровный, и ятя он произносил с такой серьёзностью, что даже Стас перестал чихать. «Июня третьяго. Ея превосходительству… Нет, не так. Её… Погоди, это что за слово… А, „превосходительству“, тут не про неё, тут про губернатора». Вера записывала даты на листке. Маргарита Львовна сидела молча с лупой и только изредка кивала.

Он дошёл до страницы, помеченной красной закладкой, и остановился.

— Вер.

— Что?

— Иди сюда.

Она придвинулась. Строчка была записана быстро, торопливым канцелярским почерком, с кляксой на букве «Е».

«Августа 28-го числа. Выдано г-же Е. Н. Сергеевой, живописице из Москвы, за исполнение плафона по сговору — шестьсот рублей. С прибавкою за труд сверх уговора, по распоряжению Т. И. Сорокина — двести».

Вера перечитала дважды. Потом третий раз.

Комната стала тихой. Слышно было, как на улице проехала машина, как в коридоре кто-то хлопнул дверью и как у Стаса в руке хрустнул пакет.

— Не Н. Сергеев, — сказала Вера. — Н. — это отчество. Е. Н. Сергеева. Елена Николаевна. Или Екатерина Николаевна, или Евгения.

— Живописица, — повторил Тимур. — Женщина.

Маргарита Львовна опустила лупу. Она сидела прямо, и губы у неё чуть-чуть дрожали.

— Сорок лет, — сказала она наконец. — Сорок лет я рассказывала про Николая Сергеева. Про купца и художника. Всю ночь пили, утром рассчитались.

— Видимо, кто-то в пятьдесят седьмом, когда вешали табличку, прочёл «Н. Сергеева» и решил, что это имя, — сказала Вера. — И дальше легенда пошла сама.

— Это я не придумала. — Маргарита Львовна подняла на неё глаза. — Я эту легенду приняла. Как принимают чужую фамилию, когда выходят замуж. И носила.

Тимур протянул ей платок. Она взяла и впервые за всё время вместо привычной театральной улыбки позволила себе настоящую: кривую, мокрую и очень живую.

— Значит, — сказала она, — в моей истории художника заменили. Мужчиной.

— Не вы заменили, — сказал Тимур. — Табличка.

— Какая разница, кто.

— Большая, — сказала Вера. — Потому что теперь мы знаем, что её звали Е. Н. Сергеева, и что ей заплатили больше, чем договаривались. И что кто-то очень любил то, что она сделала.

— И что она кому-то написала «Любимой», — добавил Стас.

Все повернулись к нему. Он съёжился.

— Я только… Вы же говорили. На потолке. Вот я и подумал…

— Он прав, — сказала Вера. — Это вопрос, на который нам нужен ответ.

Тимур вернулся к книге и стал листать дальше, быстрее, уже не вслух. Вера смотрела на его руки: загорелые, с обломанным ногтем на большом пальце и тонкой белой полоской

шрама на ребре ладони. Руки человека, привыкшего что-то делать, а не только говорить. И снова поймала себя на мысли, которая была ей совершенно не нужна.

— Так, — сказал Тимур. — Тут ещё одна запись. Помельче, на полях. Сейчас… «Для г-жи С. нанято помещение на Пристанской улице, во флигеле при доме вдовы Лопатиной, с обедами и дровами на всё время работы. Платит Т. И. Сорокин из собственных».

Он замолчал.

— Что? — спросила Вера.

Тимур поднял глаза. Лицо у него было странное, наполовину растерянное, наполовину смеющееся.

— Пристанская, — сказал он. — Дом Лопатиной. Это тот, который сейчас под номером четырнадцать.

— И?

— Это мой дом, Вера.

В гримёрке стало ещё тише. Маргарита Львовна сняла очки. Стас перестал жевать. За окном, на карнизе, сел голубь и посмотрел на них с любопытством.

— Она жила в твоём доме, — сказала Вера. Голос получился чужой, тонкий. — Всё лето тысяча восемьсот девяносто четвёртого. В той самой комнате, в которой… в которой сплю я.

— Может, не в той. Там флигель был.

— Флигель, — повторила Вера, — это крыло с косой крышей и окном на яблоню. Тимур, у меня там яблоня. Прямо за окном.

Они смотрели друг на друга. Потом одновременно повернулись к двери.

— Я с вами, — сказал Тимур.

— Т. И., — сказала Маргарита Львовна ему в спину. — Помещение и обеды из собственных. Вы повторяетесь, Тимур Ильдарович.

— Это совпадение, — сказал Тимур, не оборачиваясь, но уши у него порозовели.

— А гвозди? — слабо спросила Маргарита Львовна.

— Какие гвозди, — сказал Тимур, — у нас, кажется, расследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.